

А. В. Ганин

«Колчаковскими бандами был выведен на расстрел и был избит леворвером...»: анкеты Общества содействия жертвам интервенции как источник по истории белого террора на Южном Урале

В Государственном архиве Российской Федерации хранится обширный фонд созданного в СССР в 1924 г. Общества содействия жертвам интервенции (Ф. Р-7628). Основной массив документации этого фонда составляют опросные листы лиц, пострадавших от различных антибольшевистских сил в годы Гражданской войны. Целью анкетирования был ответ на претензии капиталистических стран к СССР по поводу погашения различных долгов. Разумеется, стояла задача показать колоссальный масштаб ущерба от действий интервентов и белых. Эта задача была успешно решена. В общей сложности к июлю 1927 г. Общество собрало 1 млн 135 тыс. таких опросных листов, касающихся 7,5 млн человек¹. Тогда на основе собранных данных был сделан политически ангажированный вывод, что в Гражданскую войну так или иначе пострадал каждый десятый житель оккупированных антибольшевистскими силами территорий. Разумеется, это было существенным преувеличением, поскольку материалы анкет сильно различаются, описывают разнообразные жизненные явления, а порой и вовсе не касаются жертв антибольшевистских режимов.

Материалы этого фонда практически не используются в работах исследователей белого террора. Некоторые авторы, не стремясь к поиску истины и научной объективности, предпочитают ограничиваться литературой советского периода и материалами периодической печати, несмотря на их пропагандистский характер. Между тем, анкеты представляют сложный и интересный исторический источник по антибольшевистскому террору и шире, по влиянию событий Гражданской войны на население. Систематическое изучение документации Общества содействия жертвам интервенции позволило бы приблизиться к пониманию реальных масштабов террора Гражданской войны без налета политизации, а также собрать сравнительно полную фактическую базу.

С одной стороны, трудно переоценить значимость подробного и массового опроса населения по вопросу ущерба от действий белых. С другой стороны, необходимо учитывать ряд факторов, которые затрудняют использование этих документов как источника. Прежде всего, к середине 1920-х гг. Гражданская война уже отошла в прошлое. Интерес населения в связи с опросом, разумеется, сводился к возможности получить какую-либо компенсацию за понесенные убытки. В силу этого в анкетах чрезвычайно подробны описания материального ущерба — итогов реквизиций или порчи имущества. Вполне естественно и стремление опрашиваемых преувеличить указываемый ущерб, чтобы получить максимально возможное возмещение. Однако реквизиции

или порча имущества не относятся к актам террора.

В отношении искаженного отражения именно случаев террора, по всей видимости, личной заинтересованности у опрашиваемых не было. Это дает основания считать, что данный аспект в анкетах представлен сравнительно объективно и достоверно. Анкеты заполнялись по территориальному принципу. Речь идет о свидетельствах, предоставленных местным населением, по вопросу ущерба, непосредственно касавшегося семей анкетированных.

В анкетах редко встречаются упоминания даже о резонансных актах террора, не касавшихся опрошенных непосредственно (в противном случае об этих актах упоминалось бы сразу во многих анкетах). Если жертвой террора становился, к примеру, одинокий или прибывший из другого региона человек, такие данные в документации либо не отражались, либо о них должны были свидетельствовать родственники пострадавшего по месту жительства в другом регионе. Следовательно, при сплошном просмотре дел в рамках какой-либо губернии эти данные будут выпадать из общей картины.

Среди прочих документов в архиве Общества хранятся десятки дел с заявлениями, показаниями и доверенностями на возмещение потерь, нанесенных частями белых населению Южного Урала. Для выявления сравнительно полной картины антибольшевистского террора по региону необходим просмотр десятков дел с рукописными анкетами, нередко заполненными малограмотными людьми или обладателями трудночитаемого почерка. Сложность заключается в том, что при колоссальном объеме необходимых для просмотра материалов, данных об актах террора в них немного. Тем не менее, речь идет о сборе конкретных фактов, которые не отражены в других источниках.

В анкетах указывались личные данные — фамилия, имя анкетированного, место жительства. Далее анкетированных запрашивали о том, имущественные или личные убытки были ими понесены. К личным убыткам относились «убийства, ранения, увечья, насилия, порка, избияния, аресты, мобилизация в армию и т. д.»². Требовалось указать, кто именно погиб или пострадал.

Губернский комитет Общества появился в Оренбурге в ноябре 1924 г. К марту 1925 г. только в самом Оренбурге имелись 32 ячейки общества, зарегистрировавшие более двух тысяч человек. По имеющимся данным, к концу ноября 1924 г. только по Оренбургской губернии уже было собрано имущественных претензий на сумму 593 335 руб. и данные о 100 случаях личного ущерба³.

При этом в графу о личном ущербе попадали очень разные события. Иногда сюда относили мобилизацию белыми или даже исполнение подводной повинности (использование крестьянских подвод для переброски войск и грузов).

В ряде анкет непонятно, от чего или от кого пострадало упоминаемое лицо. Например, в одной из анкет отмечено, что некий Н. Е. Малеев получил пулевое ранение и умер⁴. Детали инцидента не изложены. Вполне возможно, речь шла о погибшем в бою. В анкете из Уфимской губернии сообщалось: «Убит отец Петр и брат Перфил Виноградов и пострадала Митьки жена»⁵. О. Я. Григорьева, 40 лет, свидетельствовала: «Ранен был муж и от ран умер. Ранен белыми [в] 1918 г.»⁶. Свидетельство оставалось бы неясным и могло быть принято за акт террора, если бы не уточнение о том, что речь шла о событиях на Актюбинском фронте. Таким образом, умерший от ран являлся не жертвой террора, а жертвой боевых действий, причем, насколько можно судить, служил в Красной армии. Л. Е. Киселев, 64 лет, из Актюбинска сообщил: «Убит сын в 1918 году в июле месяце. Сын убит, жену били плетью — 23 года. Убит в 1-м Сов[етском] полку под Илецком»⁷. Если в отношении супруги анкетированного речь шла об акте террора, то сын погиб в бою, сражаясь в рядах Красной армии. Некоторые анкетированные аналогичным образом указывали среди жертв белых своих родственников, погибших в период службы в рядах белых армий⁸.

Иногда в качестве личного ущерба упоминалась смерть родственников по естественным причинам. По сообщению П. Г. Иванова, 14 лет, из хутора Ивановский Зилаирского кантона Башкирской АССР (здесь и далее — сохранена орфография документа), «в 1919 году арестован отец Порфирия Иванова Иванов Григорий Никифорович, 46 лет, белой бандой и погиб без вести и сын ево Иванов Семен Григорьевич 20 лет намилизован вармию и кончился вармии и жена Иванова Григория Настасия Сидоровна [?] померла скорой смертью, всего погибли 3 человека»⁹. Из этого свидетельства неясно, оказался ли Г. Н. Иванов жертвой белого террора, тогда как С. Г. Иванов и Н. С. Иванова умерли своей смертью. Встречаются и следующие претензии к белым: «Занесенным тифом белоохранителями болела вся семья, и умер отец»¹⁰.

В сравнении с многочисленными свидетельствами об имущественных убытках упоминания о насилиях единичны. В одном из дел на 31 анкету приходится лишь один такой эпизод, в другом — один эпизод на 46 анкет¹¹. Причем чаще всего речь идет не об убийствах. Так, в упомянутых делах случаи личного ущерба следующие: «Жена была сильно избита при захвате ее в плен белыми» (В. В. Люстрицкий, 47 лет на 1924 г., г. Бирск Уфимской губернии)¹²; «Был арестован, был в тюрьме в 1918 году» (И. А. Трунин, 49 лет на 1924 г., пос. Донецкий Переволоцкой волости Оренбургской губернии)¹³.

При сплошном просмотре картина белого террора вырисовывается. Ряд анкет сообщал об арестах. В. И. Сергеевич, 64 лет, проживавший в Орске, свидетельствовал: «Я был арестован войсками Дутова и были обыски, искали переписку, меня сочли шпиеном (сутки после этого я болел)»¹⁴. Д. Ф. Барбашов, 40 лет, из хутора Восточный-Оренбургский Сакмарской волости Оренбургского уезда вспоминал, что «был арестован белыми и просидел в тюрьме 3 месяца»¹⁵. Впрочем, эти свидетельства тоже не всегда понятны. Так, С. Р. Габаясов, 52 лет, из д. Юмагузино Зилаирского кантона Башкирской АССР отметил, что «при наступлении белой армии на город Оренбург был ранен в грудь навывлет и в правый бок. При том же был взят под арест, где продержали 3 месяца»¹⁶. Три года после ранения Габаясов болел и потерял трудоспособность. Однако из свидетельства неясно, не находился ли он на службе в рядах противоборствующих армий и кем был арестован.

Упомянулось в анкетах и о побоях. Т. Ахтямов, 25 лет, указал, что в 1918 г. под Белебеем «при передвижении войск Колчака понесено избивание, пострадала вся семья»¹⁷. П. Е. Ковалев из поселка Борысенков Мясогутовского района Башкирской АССР отметил, что «колчаковскими бандами был выведен на расстрел и был избит леворвером. Жена была посажена в холодный амбар на 2 недели»¹⁸. В. Д. Волков, 46 лет, из с. Имелля-Покровка Оренбургского уезда сообщил: «Был взят в подводы в белую армию, где офицер белой армии ударил пласмя шашкой (б) шесть раз по спине, от чего болел год»¹⁹. О. М. Щербинин, 45 лет, из хутора Старо-Саратовский Ново-Покровской волости Орского уезда сообщил: «Били старуху плетей. Сам был в белых. 2 недели проходи[л] генерал Галкин»²⁰. Е. С. Заяц из хутора Ново-Петропавловский Ново-Покровской волости свидетельствовал: «Карательный т[ак] называвшийся отряд колчаковской армии, приехав в хутор за подлежащими мобилизации по приказу белой армии Колчака, созвав в школьное помещение граждан, для острастки так сказать избивали, в то число и я попав, мне 73 года, болел 3 месяца, сейчас к труду не гоюсь»²¹. Е. К. Зеленин, 43 лет, из с. Илькульган Шарлыкской волости сообщил, что «7 августа 1918 года белыми бандами нанесено ударами несколько. 8 о[к]тяб[ря?] увезен в тюрьму в село Шарлык, потом сбежал и скрывался 7 месяцев. Состояние здоровья после побоев слабое, к труду не способен»²².

А. А. Попов, 50 лет вспоминал об инциденте, произошедшем в с. Екатериновка Петровской волости Оренбургского уезда: «Отрядом Дутовым армии Колчака требовались большевитские лошади, будто бы укрываемые. Когда казакам было сказано, что никаких лошадей нет, то его арестовали, во время ареста у одного казака... разорвалась бомба и ранила его в зад и в руку. Лежал в больнице 1 год. От причиненного взрыва причинено убытков триста пятьдесят рублей»²³.

Свидетельство о тяжелых условиях заключения поступило из с. Кармалка Шарлыкской волости Оренбургской губернии: «При военных от белых банд Ряховских Петр Акимович 47 л[ет], пороли меня, арестован на две недели, сидел под арестом, потерял трудоспособность 40 % от порки, от холоду и голоду»²⁴.

Упоминались и отдельные случаи казней. М. А. Кочемасова, крестьянка, 35 лет, из хутора Восточный-Оренбургский Сакмарской волости Оренбургского уезда заявила: «При отступлении войск Колчака расстрелян мой муж Кочемасов Николай Савельевич, 35 лет, за агитацию на защиту Сов[етской] власти»²⁵. Х. Муфазалов, 54 лет, на ломаном русском языке упомянул «убийства глава семьи и гр[аждани]на Ахмадия Мухамадиева с двумя сыном за то, что они служили в Красной [армии]»²⁶.

Судьба человека не всегда была в точности известна анкетироваемым. Так, А. Адамова, 46 лет, из Бирска сообщала: «Увезли белыми, доброволец Красной армии, который был в отпуске, Артем Петров Адамов, какого по слухам наверно расстреляли»²⁷.

Немало погибших стали жертвами не белых, а крестьян-повстанцев после завершения широкомасштабной Гражданской войны в регионе. Ф. Ф. Кралевич, 30 лет, из пос. Адамовского Орского уезда показал, что в 1921 г. «от действий банды Охранюка убито два родных брата, семьи которых погибли, лишившись главы семьи, погибло 7 душ и личное мое преследование от колчаковцев»²⁸. От М. И. Уткиной, 50 лет, из пос. Елизаветинский Адамовской волости поступило свидетельство, что «муж Уткиной Василий и его сын Николай зверски убиты при нападении банд Охранюка и схоронены в братской могиле в пос. Адамовском»²⁹. Но повстанцы не только убивали. Т. А. Новиков из ст. Севастопольской Орского уезда, 39 лет, отметил, что в 1921 г. «был под арестом 12 суток Тимоф[ей] Новиков бандой Ахранюка»³⁰.

Собранные анкеты отличаются значительной бессистемностью. Документы сгруппированы только по губерниям (и то этот принцип выдерживается не всегда), далее начинается разнорядной. Имеется множество глухих свидетельств, кото-

рые нельзя идентифицировать как акты террора. И все же в изученных делах упоминания казней единичны, намного больше эпизодов, связанных с арестами и побоями, а основная масса свидетельств касается вопросов реквизиции и порчи имущества.

Материалы анкетирования, являясь по-настоящему массовым источником, тем не менее, не дают оснований применительно к Южному Уралу говорить о массовом белом терроре. В то же время при критическом подходе к этим документам и сплошном просмотре есть возможность реконструировать разностороннюю картину антибольшевистской репрессивной практики «снизу» — в том виде, в каком это явление запомнилось местному населению.

Примечания

¹ Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М., 1987. С. 183.

² ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 10. Д. 698. Л. 1 об.

³ Сафонов Д. А. Факел над бездной: Революция 1917 года и Гражданская война на юго-востоке европейской России. Оренбург, 2017. С. 36.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 10. Д. 698. Л. 107 об.

⁵ Там же. Д. 703. Л. 30–30 об.

⁶ Там же. Д. 700. Л. 103–103 об.

⁷ Там же. Л. 101–101 об.

⁸ Там же. Д. 704. Л. 5–5 об.

⁹ Там же. Д. 703. Л. 26–26 об.

¹⁰ Там же. Д. 711. Л. 95 об.

¹¹ Там же. Д. 701; 702.

¹² Там же. Д. 702. Л. 58 об.

¹³ Там же. Л. 69 об.

¹⁴ Там же. Д. 698. Л. 101 об.

¹⁵ Там же. Д. 699. Л. 84–84 об.

¹⁶ Там же. Д. 704. Л. 11–11 об.

¹⁷ Там же. Д. 703. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁹ Там же. Д. 699. Л. 17 об.

²⁰ Там же. Д. 700. Л. 65–65 об.

²¹ Там же. Д. 711. Л. 39–39 об.

²² Там же. Д. 700. Л. 93.

²³ Там же. Д. 699. Л. 106–106 об.

²⁴ Там же. Л. 21–21 об.

²⁵ Там же. Л. 81–81 об.

²⁶ Там же. Д. 704. Л. 13–13 об.

²⁷ Там же. Л. 16–16 об.

²⁸ Там же. Д. 356. Л. 99–99 об.

²⁹ Там же. Л. 102–102 об.

³⁰ Там же. Л. 4–4 об.